

Анатолий Санжаровский

Галопом по этажам жизни

Анатолий Санжаровский
Галопом по этажам жизни

«Автор»

Санжаровский А. Н.

Галопом по этажам жизни / А. Н. Санжаровский — «Автор»,

ISBN 978-5-457-11624-5

«В пятницу семнадцатого марта одна тысяча девятьсот девяносто пятого года померла моя мама. Пелагея Михайловна Санжаровская. В девичестве Долженкова. На похоронах меня поразили своей поэтичностью причитания её родной сестры Нюры...»

ISBN 978-5-457-11624-5

© Санжаровский А. Н.

© Автор

Анатолий Санжаровский Галопом по этажам жизни (автобиография)

*Проснётся день красы моей,
Зарёй украшен свет.
Я вижу горы – небеса.
А Родины здесь нет.
Занает сердце, загрустит.
Не быть, не жить мне в том...
Не быть, не жить мне в том краю,
В котором зарождён.
А быть и жить мне в том краю,
В котором осуждён...
Отцовский двор покинул я,
Травой он зарощён.
Травой густою, муравой,
Да горьким-горьким полыном
Родной двор зарощён.*

Народная казачья песня

*За что судили тех, у кого не было улик?
За их отсутствие.*

Мих. Генин

В пятницу семнадцатого марта одна тысяча девятьсот девяносто пятого года померла моя мама. Пелагея Михайловна Санжаровская.

В девичестве Долженкова.

На похоронах меня поразили своей поэтичностью причитания её родной сестры Нюры.

Тётя обещала списать на бумажку свои слова. Да не списала.

И тогда я сам поехал к тётке Нюре Кравцовой за Воронеж, в степной, в сомлелый на солнцепёке городишко Калач.

А рядом, в минутах каких езды на автобусе, Новая Криуша. Отцово родовое гнездо. Столица нашей семьи.

Полсела – Санжаровские!

Чудно как-то...

Я похож на них, они похожи на меня. Доброта тоскует в лицах...

Я писал роман «Поленька». Всё рвался хоть разок съездить в Новую Криушу. Да мама отговаривала.

И только в Криуше я понял, почему она это делала.

Мой дед по отцу Андрей Дмитриевич, упрямыстый казачара, в десятом колене выско- чивший из вольных казачьих кровей, не вписался в «Красную дурь», как навеличивали кри- ушане свой колхоз «Красная заря».

– Не пойду и всё. Ну хочь режьте!

Его не стали резать. Объявили кулаком.

На «суде» тройки только спросили:

– Богу веруешь?

– Да.

– Хорошо. Три года тебе. Иди.

И весь минутный «суд».

Отсидел дед три года в уральском концлагере.

Вернулся.

Сызнова в Криуше клинки подбивают:

– Не пойдёшь в колхоз снова? Иля не одумался?

– Утвердился! Невжель я мешком прибитый?

Теперь репрессировали всех наших.

И уже целые семьи и деда, и отца ночью вытолкали с родной воронежской сторонки за Полярный круг. На лесоработы.

А деду настукивал седьмой десяток.

А у отца с матерью было двое маленьких сынов. Митя и Гриша.

За чем все они полмесяца тащились в Заполярье? «За туманом? За запахом тайги?»

Всё родовое наше гнездо в Новой Криуше разорили «неутомимые борцы за всенарод- ное счастье на века».

Кого на север, кого на Дальний Восток, кого в Сибирь выжали. Все-е-ех «осчастли- вили».

Кулачье же!

А у деда, у отца не было тёплых одеял. Укрывались самодельными дерюжками. Ника- ких работников не держали.

В заполярном селе Ковда, что прижилось к бережку Кандалакшского залива, я и родился в семье ссыльных переселенцев в субботу десятого сентября одна тысяча девятьсот тридцать восьмого года.

Выскочил я на свет и стандартным криком о том оповестил мир.

Оповестить-то оповестил, да вовсе и не подозревал по легкомыслию, что я уже четыре года как репрессированный. Родители «удостоились» этой чести ещё в Криуше в 1934 году.

Выходит, за компанию и меня покарали тогда же? Досрочно! Став на очередную вахту в честь очередной годовщины Октября? Наказали за че-ты-ре года до рождения!

Оказывается, и я, ещё не появившийся с повинной на свет белый, был уже виноват в том, что мой дед, бунтарь, трудолюбик и правдолюб, тёзка знаменитого Сахарова, не разбежался вступить в колхоз и не позволил записываться и моим родителям.

В промозглой заполярной Ковде родители – они были чернорабочими – ишачили на лесопильном заводе.

Отмотали наши северный срок, ан подают на блюдечке с каёмочкой южный.

И семья выкатилась в Западную Грузию. Это сейчас уже заграница.

Под гнилыми, малярийными дождями родители корчевали на косогорах леса. Разводили в совхозе «Насакиральский» чайные плантации.

Сначала мы жили на первом районе совхоза. Потом всех рабочих этого района пораскидали по остальным четырём районам совхоза. Нашу семью перевезли на арбе на пятый район. А в бывших наших гнилых бараках на первом районе разместили... тюрьму. Мы и не подозревали, что «шиковали» в тюремных апартаментах.

Жили мы горько. Только в восемнадцать лет я впервые увидел сливочное масло и то лишь тогда, когда очутился на больничной койке.

Отец на фронте, мама одна с тремя сыновьями. С темна до темна, без выходных ломила на чаю. По ночам рыла оградительные окопы: мы жили в прифронтной полосе. И получала за каторжную работу горькие гроши.

Мы жили в основном домашним хозяйством. Господин Огород. Козы. Куры. Поросёнок. Всё это было на нас, на детях, на мужичках.

Весна. Надо натаскать на глинистые бесплодные огороды побольше навозу. А огороды за полтора-два километра. Вприбежку тащишь неподъёмный чувал с навозом, а по тебе течёт чёрная жижа; бегаешь по дороге из стороны в сторону: мешок с навозом тебя ведёт. А остановиться передохнуть боишься – мешок потом не подынешь. Притащишь, спустишься на корточках, тихонько вальнёшься назад, не отрывая от спины мешка, и лежишь отпыхиваешься на нём, выкупанный потом и навозной жижей.

А сеять кукурузу, сажать под лопату картошку – казалось всё это самым лёгким и весёлым. А окучивать, пропалывать – курорт! Багамы вперемишку с Канарами!

Осень-припасиха изматывала нас до смерти.

Кукурузу, картошку, кабаки – всё перетаскай на своём горбу.

А дрова на зиму? Лес ещё дальше огородов...

Мы, пацанва, сами лепили козам сарай. И каждую осень обязательно перекрывали кугой, обмазывали хворостяные стены глиной, утепляли папоротником. Не мёрзни наши козушки в холод! И ставили вдоль стен на коротких столбиках широкие лавки козам для отдыха.

– Коза, – говорила нам мама, – для нас же, дураков, старается как! Пока за день насбирает по горам молока полную банку – ноги с устали отваливаются. Надо ей по-людски за ночь выспаться или не надо?

Но вот огороды пусты, сарай в тепле, дрова натасканы. Гордой горюшкой высятся между сараем и соседским шаблицким плетнём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.